

18+

**МОМЕНТ
ЖЕРТВЫ**

Юрий Руц

Юрий Риц

Момент жертвы

«Издательские решения»

Риц Ю.

Момент жертвы / Ю. Риц — «Издательские решения»,

Валумний — родной город Темполайо — погрузился во тьму безразличия. Чтобы помочь согражданам, Темполайо решает принести жертву времени и уходит в Безвременье, где реальность подчиняется воле героя. Сияющий мир без солнца, без движения времени, бои, где раны исчезают по выбору, а тело притягивает свет... Вопрос, от которого зависит судьба города: что значит «быть в моменте»?

© Риц Ю.

© Издательские решения

Момент жертвы

Юрий Риц

© Юрий Риц, 2026

ISBN 978-5-0069-8011-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

— Слава, слава благородному Темполайо! Слава избраннику Момента!

Голову кружил аромат кипариса, смешанный с запахом свежих роз и прошедшего дождя. Мы шли под возносимые восхваления по усеянным растоптанными бутонами узким, извилистым улицам. Во главе процессии торжественно шествовал магистр-жрец, а в центре был я. Меня окружала дюжина служительниц культа — стройные девушки в приталенных платьях с вышитыми от груди до подола песочными часами. Девушки двигались с грацией и достоинством, размахивая символизирующими вечность ветками кипариса. Каждое движение было выверенным, как будто шествие с их участием проходило так же часто, как занятия городской стражи.

Женщины с балконов и окон бросали перед нами лепестки и цветные ленты. Одни из лент ложились змейками под ноги, другие цеплялись за потемневшие от дождя шершавые стены.

Процессия из полусотни горожан словно река огибала старинные здания. Мы прошли мимо храма с символом Безвременья на полукруглом куполе — золотой скульптурой песочных часов, в которых застыло время. В середине, в горловине часов, скульптор изобразил две полусферы, обозначающие единство солнца и луны. В верхней и нижней колбе песок выглядел одинаково — как замершие шары, которые создатели заставили парить между стенок непостижимым образом. Помню, учитель приводил сравнение с плавающей в толще воды каплей масла, которая не всплывает и не тонет. История сообщает, что обычные песочные часы тоже придумали в нашем городе. Одновременно с ними пару сотен лет назад возник и этот символ. В противовес мистике настоящие городские часы были механическими и занимали верх башни первого в королевстве университета — гордости Валумнии.

Процессия проследовала мимо витражей Alma mater, которые отражали золотистый свет утреннего солнца. Студенты, преподаватели и просто горожане дожидались нас с рассвета. Люди сгрудились у массивных ворот храма науки, чтобы в итоге занять место в колонне. Толпа с каждым поворотом улицы становилась всё плотнее. Горожане заполнили промежутки между домами, стояли на подоконниках, забирались на крыши, чтобы только увидеть шествие. Кто-то протягивал руки, как бы пытаясь коснуться меня, кто-то почтительно приветствовал, а кто-то просто кричал, куражась то ли от происходящего, то ли от вина.

Миновав последние дома, шествие остановилось на главной площади перед дворцом герцога — горожане, шумя и толкаясь, растеклись по краям. Толпа стала затихать, когда на балкон вышел сам герцог Аугусто. Он был одет в богато расшитый камзол, на голове красовался символизирующий власть золотой венок. Его светлость одной рукой оперся на ажурные решётки балкона, другой сделал изящный жест, призывая горожан к тишине. Его движения были плавными и властными, брошенный вниз взгляд — требовательным. Толпа затихла, ожидая распоряжения правителя.

— Граждане Валумнии! — начал Аугусто. — Сегодня мы собрались не просто полюбоваться вместе загниванием. Мы собрались здесь, чтобы чествовать того, кто стал воплощением нашей общей надежды. Благородный Темполайо — наша жертвенная связь с Моментом, с той

единой гармонией Безвременья, частью которой мы являемся. Благородный Темполайо — проводник к торжеству духа, защитник наших прав на радость!

Толпа загудела. Люди образовали полукруг, в центре которого был я. В этот момент я осознал, что на меня смотрят одновременно сотни глаз.

— Прошлым летом горе пришло в каждую семью. Эта ужасная эпидемия красной оспы унесла каждого четвёртого из нас, — горожане слушали затихнув, многие склонили головы. — И, хотя город восстановился, в наших сердцах осталась апатия и депрессия. Любое малое или великое дело даётся с трудом. Даже мне стало сложно не только править, но и исполнять семейные обязанности, — его светлость покосился на стоящую сзади на балконе герцогиню.

Толпа ответила свистом и улюлюканием.

Меня захватили воспоминания. В молодости я почти выучился на бакалавра в университете Валумнии, но после свадьбы бросил — учёностью семью не прокормишь. Тесть из старинного дворянского рода был беден, и всё, что мне досталось в качестве приданого, — его хлопоты, благодаря которым я получил место в охране старого герцога.

Полгода назад, терзаемый утратой жены и сына, я обратился к жрецу Безвременья.

— Магистр Интемпус, я слышал вчера вашу речь в храме. Я готов принести жертву и прошу вас провести ритуал.

— Ты уверен? — он посмотрел на меня испытывающе строго. — Ты взвесил всё?

— Да, я готов!

— Э-э, не спеши с ответом, мой друг. Подумай, что ты оставляешь здесь! И заверши свои дела до ближайшего затмения. Оно через полгода. Учти, когда придёт Момент, ничто не должно тебя держать!

Меня ничто и не держало — ни в этом городе, ни в этом мире. Когда осиротел мой дом, я просыпался в пустой постели и плакал, кляня судьбу. Днём шёл в оружейный двор, где тренировал городских стражников и охрану благородных семейств, а вечером напивался в первой встречной траттории. Грязный, небритый и обоссанный, к ночи я старался вернуться домой, желая, чтобы сон прошёл без пробуждений и слёз. Затем чувство утраты заменила холодная змея в сердце — укоренившаяся среди горожан апатия.

Я выбрал принести жертву Моменту, находясь в здравом, трезвом уме и твёрдой памяти.

— А вот и нет! — кричал начальник гарнизона. Подчас я удивлялся живости и рассудительности перенесшего оспу старика. — Ну как тебя угораздило? На кого ты нас бросаешь? У меня нет воина более опытного, чем ты, и лучшего наставника для моих ребят. Ты выжил из ума?! Зачем тебе уходить в Безвременье, в никогда? У тебя есть ремесло, что кормит, и уважение. Ты сможешь найти новую семью, когда пройдёт скорбь. Темполайо, поверь тому, кто прожил жизнь! Найдётся и другой претендент на жертву. А уйдёшь — вечно будешь никем!

Да, он бесспорно прав, как был прав и тысячу раз ранее, — мне по-отечески близкий добрый человек. Но он не мог знать, что Безвременье привлекало не из-за скорби по родным или апатии — меня влекло непознанное. Я выбрал этот путь, словно великий мореплаватель. Помню, в детстве после ливня я бегал за несущимися по улицам корабликами, воображая вперые обогнувшие континент каравеллы Вашкудагамы.

Помнил я и принесённую жертву, когда Момент благодатью снизошёл на Валумнию. Сколько мне было тогда — шесть лет? Вряд ли больше. Помню смех родителей: мама шелкнула папу по носу, и он, подхватив её на руки, унёс с кухни. Помню, как сам вбежал в свою комнату, где камзолы солдатиков вновь заиграли красками, и развернул с ними небывалую баталию...

Кем был благородный, что принёс себя Моменту? Кто был до него? Ни камни храма, ни книги университета, ни память народа не хранили имён героев.

Я ощущал, как картинки из детства наполняют грудь сладким томлением, но голос Аугусто всё же вырвал из воспоминаний:

— Знаю, многие спрашивают: «За что нам такая кара?» И хотя прошлого не вернуть, я верю, что вскоре наши сердца наполнятся радостью, — его светлость прижал сложенные руки к груди и затем театрально распахнул их навстречу горожанам.

Последовали редкие, хаотичные хлопки.

— Дорогие мои, я вижу, как весть о переменах уже всколыхнула общество. Так вознесём же хвалу Господу, что наставил благородного Темполайо принести жертву ради нашего города! — герцог воздел руки к небу, и толпа взорвалась волной аплодисментов и свиста.

Когда крики и хлопки начали стихать, я ощутил беспокойство: смогу ли помочь этим людям? Ведь принимая решение, я думал о них в последнюю очередь.

— В Безвременье нет сомнений в себе, как и понятия «успех», — ну конечно же, как я мог забыть слова магистра.

Ко мне один за другим подходили люди и пожимали руку: градоначальник, святой отец, ректор университета, судья, а следом — и простой народ, без званий и чинов. Звучали слова благодарности и пожелания лёгкого пути.

Толпа качнулась, как море, когда в него бросают камень, и вдруг расползлась в стороны — из пролёта между домами вывели лошадей гарнизонной конюшни. Железо на удилах звякало отрывисто и нервно, скупое поблёскивали пряжки, ремни легонько постукивали о бока, седла пахли старой кожей и конским потом.

Магистр-жрец подобрал плащ и одним плавным движением первым взлетел в седло. За ним — служители ритуала: моложе, более суетливые, кто-то цеплялся носком за стремя, кто-то перехватывал поводья так крепко, будто собирался усмирять дракона, а не спокойного гарнизонного коня.

Я не спеша подошёл к рыжему жеребцу, что стоял передо мной, нетерпеливо перебирая копытами, и положил ладонь на шею. Шерсть была тёплой, плотной, с лёгким запахом пыли и чего-то сладкого — сухого овса или летнего сена. Под кожей перекатывалась мышца, как тугая верёвка.

— Шестой год мы вместе, Априцис, — сказал я негромко, так, чтобы слышал только он. — Помнишь, как катал моего сына?

— Конечно, помнишь, — в больших тёмных глазах блеснул знакомый, тёплый, до боли человеческий разум.

Конь втянул воздух, раздувая ноздри. Он шагнул вперёд и тяжёлой мордой упёрся мне в грудь так, что на секунду перехватило дыхание.

— Нет, друг, — выдохнул я ему в ухо. — В Безвременье я пойду один. А ты... ты наслаждайся жизнью здесь. Солнцем, зелёными лугами, овсом. Неси меня в последний раз.

Я вскочил в седло.

Жрец поднял руку, задавая движение. Мы тронулись.

Путь до ворот сжался до странного, густого мига. Гам города — крики провожающих, ляг доспехов стражи, детский визг, ругань, лай собак — всё это постепенно стянулось в один глухой, отдалённый гул. Каменные стены, облупленные, с вековой пылью в трещинах, подплыли ближе. Мы миновали тень ворот, и город остался позади — сразу, будто кто-то захлопнул тяжёлую дверь. Впереди лежала дорога к далёким холмам, где время потеряет для меня значение.

Конь Интемпуса ступал медленно, можно сказать, торжественно. Магистр возглавлял колонну, его фигура казалась не человеком, а стрелкой, указывающей в сторону, откуда никто ещё не возвращался: седые, разметанные по плечам волосы и серебристый плащ блестели тускло, как олово в тени. По плащу тянулись вышитые песочные часы: одни стояли прямо, другие были перевёрнуты, третьи застигнуты в середине переворота, и песок во всех висел на месте, не желая падать ни вверх, ни вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.